

ми. Речь идет об обучаемых, принадлежащих к другому языковому миру. Этот процесс может затянуться и результаты будут разные в зависимости от индивидуальных способностей учащихся. Отрицательно может повлиять какой-нибудь неметодический или неакадемический фактор.

Выдающийся грузинский методист Якоб Гогешашвили (XIX век) советовал: прежде чем учить неродному языку, научи уважительно относиться к этому языку. Именно по этому принципу построен его учебник по русскому языку для грузин «Русское слово», который в 1894 году победил во Всероссийском конкурсе, где было представлено более ста учебников.

Работа над моделированием может затянуться и может стать надоедливым занятием – это опасно, т.к. подрывает престиж приема. В таком случае нужно брать маленькие модели, чтобы гарантировать темпы учебного процесса. Например, грузинские дети, которые в какой-то мере приобщены к русскому языку, легко понимают, что означает слово *спит* (он *спит*), но им трудно дается возвратная форма этого глагола *спится* (ему не *спится*). Причина проста: семантические эквиваленты *спит* и *спится* в русском языке имеют фактически один корень, а в грузинском – два разных (*dzinavs* – *спит* и *medzineba* – *спится*).

Практика показывает, что моделирование единиц речи на грамматической основе наиболее результативно после так называемого метода погружения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Текучев А.В. Методика русского языка в средней школе. М.: Просвещение, 1980.
2. Озерская В.П. Изучение морфологии на синтаксической основе. М.: Педагогика, 1989.
3. Гогешашвили Я.С. Русское слово. Последнее издание. Тбилиси, 1935.

С.В. АЛЕКСЕЕВА (Санкт-Петербург, Россия)

О ГЕНИТИВЕ СУБЪЕКТА В ТЕКСТАХ РУССКОГО ЯЗЫКА XVIII В. (предварительное исследование на материале 5 бытийных глаголов)

Аннотация. Статья посвящена генитиву субъекта в текстах русского языка XVIII века. В общем случае при отрицании бытийных предикатов субъект высказывания практически всегда стоит в форме родительного падежа как в современном русском языке, так и в русском языке XVIII в.

Summary. The article is about the subject's genitive in Russian language of 18th century. 18th century Russian language is equal to modern Russian language and in the general case requires genitive case from subject in existential sentences.

В современном русском литературном языке многие непереходные глаголы, некоторые переходные глаголы в пассивных предложениях и некоторые прилагательные формируют в отрицательных предложениях так называемую конструкцию с генитивом субъекта:

(1) а. *У меня остались сомнения.*

б. *Сомнений не осталось.*

Из примера (1) видно, что субъект утвердительного предложения (1а) в отрицательном предложении (1б) выражен формой родительного падежа, а не именительного (как в утверждении).

При преобразовании утвердительного предложения в отрицательное существует три возможности относительно выбора формы субъекта в отрицательном предложении [1: 43–44]:

а) Предикаты, которые требуют генитивную конструкцию при отрицании: *Дело, по которому не имеется прецедентов* vs. **Дело, по которому не имеются прецеденты.*

б) Предикаты, которые в отрицательном контексте допускают как номинативную, так и генитивную конструкцию: *Не слышны в саду даже шорохи* и *Здесь такой шум, что ничего не слышно.*

в) Предикаты, для которых при отрицании возможна только номинативная конструкция: *Различия не исчезли* vs. **Различий не исчезло.*

Предикаты группы а и б называются **генитивными** (для них возможна генитивная конструкция) [3]. Семантически генитивная конструкция кодирует ситуацию несуществования Вещи (семантическая роль субъекта генитивной конструкции), поэтому генитивными являются в первую очередь бытийные предикаты со значением существования, начала существования и продолжения существования. Примеры бытийных глаголов: *не ведется, не возникло, не сохранилось, не существует, не имеется* и др.

Не так давно Е. Падучева выделила еще одну группу предикатов, относящихся к генитивным: это — предикаты восприятия, с компонентом «Вещь находится в поле зрения Наблюдателя», т.е. «указанием на то, что объект, о котором идет речь актуально кем-л. воспринимается» [3: 104; 2: 88]. В отличие от бытийной группы, где отрицание выражает *несуществование Вещи*, в перцептивной группе отрицается *нахождение Вещи в поле зрения Наблюдателя*, существование Вещи как таковое не отвергается:

(1) а. *Возражений не возникло* [бытийный глагол: *возражений не появилось, не стало существовать*].

б. *Дефектов не обнаружено* [перцептивный глагол: *возможно, они и есть, но их не нашли*].

Генитивная конструкция обычно обязательна для бытийной группы глаголов и допустима для перцептивной.

К генитивным не относятся глаголы *исчезать, настать, начаться, продолжаться, присутствовать*, хотя и связанных с полем «Существование», поскольку для них при отрицании сохраняется пресуппозиция «Вещь существует», в то время как в генитивной конструкции

пресуппозиция должна содержать компоненты «несуществование Вещи» или «Отсутствие Вещи в поле зрения»:

(4) *Собрание еще не началось* [говорящий уверен, что собрание будет существовать в будущем].

В работе Е. Падучевой «Еще раз о генитиве субъекта при отрицании» [2: 85–86] было показано, что помимо «генитивности» самого предиката на возможность появления генитивной конструкции влияет ряд условий.

Одни (переходность предиката, определенность, единственное число, одушевленность субъекта) препятствуют выбору генитивной конструкции даже у генитивных глаголов:

(4) а. **Аварии не имело место* (*иметь* — переходный глагол, пример из [2: 85]) vs. *Аварии не случилось*.

б. **Преступника не поймано* (определенность субъекта) vs. *Дефекта не обнаружено* (неопределенность субъекта).

в. **Письма не сохранилось* (единственное число субъекта) vs. *Писем не сохранилось*.

г. **Мамы не приходило* (одушевленность объекта) vs. *Ответа не приходило*.

Другие (наличие в предложении слов *никакой, ни один, ни*) — расширяют класс генитивных глаголов:

(5) *Никакого Беннета в гостинице не останавливалось* (пример из [2: 85]). Большинство данных ограничений объясняется тем, что при выражении несуществования в генитивной конструкции предикат требует нереферентного субъекта (см. подробнее [2]).

Генитивные глаголы в русском языке XVIII в.

XVIII в. — это переходный период на пути формирования нового литературного языка на национальной основе. Рассмотрим, как вели себя генитивные глаголы в данный период. В особенности нас будут интересовать следующие вопросы:

1) обязательна ли была для глаголов бытийной группы конструкция с генитивом субъекта в отсутствии препятствующих для нее условий.

2) запрещена ли в текстах XVIII в. генитивная конструкция при негенитивных предикатах.

3) расширяют ли слова типа *никакой, ни один, ни* круг генитивных глаголов.

Исследование проведено с использованием материалов Картотеки словаря русского языка XVIII в., хранящейся в группе Словаря русского языка XVIII в. ИЛИ РАН. В качестве дополнительного источника примеров генитивной конструкции использовался Национальный корпус русского языка.

Материалом исследования являлись 5 бытийных глаголов (*возникнуть/возникать, остаться/оставаться, произойти/происходить, сохраниться/сохраняться, существовать*) и 5 негенитивных глаголов (*исчезать/исчезнуть, настать, начаться, продолжаться, присутствовать*), имеющих в своем значении компонент «существовать».

Бытийные глаголы в текстах русского языка XVIII века

Обязательным условием для появления генитивной конструкции в бытийной группе является нереферентность субъекта высказывания [З: 105]. Нереферентное понимание хорошо поддерживается контекстом с неопределенным неодушевленным множественным субъектом. Кроме того, употреблению генитивной конструкции способствует присоединение к именной группе субъекта кванторных прилагательных и местоимений (*никакой, ни один, ни единый, ничего*) и усилительных частиц (*ни*), вносящих неопределенность в высказывание и выражающих «внешнее» или «глобальное» отрицание. В сферу действия «внешнего отрицания» попадает не только ассерция, но и пресуппозиция — в данном случае презумция существования. Таким образом, такие слова способствуют ГК даже при негенитивных предикатах [Там же: 115]:

(6) *Плохо то, что на собрании почти никого не присутствовало.*

Рассмотрим, как себя вели бытийные предикаты в контекстах, способствующих генитивной конструкции — а именно со словами, выражающими внешнее отрицание (*ничего, никакой, ни один, ни, никто*), — в русском языке XVIII века.

Тексты XVIII века подтверждают общее правило выбора генитивной конструкции при внешнем отрицании, переданном местоимением *ничего* и усилительной частицей *ни*. Во всех встретившихся нам примерах была реализована генитивная конструкция:

(6) *Трещат все обручи, вино из бочек льется,*

*И в них **ни** капельки его **не остается*** [В.И. Майков. Елисей, или Раздраженный Вакх (1769)];

(7) *В городе **не оставалось**, думаю, **ни** четвертой части жителей, и всякий был в лучшем своем платье* [Н.М. Карамзин. Письма русского путешественника (1793)];

(8) *Целый год почти прошел, что в Конференции кроме шумов **ничего не происходило*** [М.В. Ломоносов. 1764 не позднее августа 26. Краткая история о поведении академической Канцелярии в рассуждении ученых людей и дел с начала сего корпуса до нынешнего времени (1764)];

(9) *... по пробе на серебро и на золото **ничего** в сих медях **не оказалось**, ибо зерно, которое на капели осталось, было столь же тяжело, сколько серебра из приложенного к тому свинцу вытти должно* [М.В. Ломоносов. 1749 июля 27. И.А. Черкасову (1749)];

(10) ... украшения дворца моего, уборы мои и моих придворных, **ничего** от них **не оставалось** в целости [И.А. Крылов. Почта Духов, или Ученая, нравственная и критическая переписка арабского философа Маликульмулька с водяными, воздушными и подземными духами (1789)].

Пример (10) представляет особый интерес, так как в современном русском языке связочное употребление экзистенциальных глаголов требует номинативной конструкции.

Что касается других «отрицательных» местоимений и местоименных прилагательных (*никакой, ни один*), то, помимо стандартного использования генитивной конструкции:

(11) *Отныне же **никаких** между нами по делам оной бывшей компании **обязательств**, друг на друга претензий, равно и долгов кому-либо, за которые все составлявшие компанию члены должны были **Ответствовать**, более **не существует*** [Материалы о преследовании Новикова, его аресте и следствии (1784-1792)];

(12) *Коль много есть столь несчастливых родителей, кои до 10 и 15-ти детей родили, а в живых **ни единого не осталось?*** [М.В. Ломоносов. [О размножении и сохранении российского народа] (1761)], встречаются контексты (в небольшом количестве) с номинативной конструкцией:

(13) ...***ни одна** из безделок моих даже до булавки **не останется**, чтобы не была расхвалена* [Н.И. Новиков. Живописец. Третье издание 1775 г. Часть I (1775)];

(14) *Святая трапеза омывается чистойшею и благовонною водою, да **никакая** внешняя нечистота **не останется** на ней* [архиепископ Платон (Левшин). Слово на освящение домового храма в новом архиерейском московском доме в Чудове монастыре (1777)].

(13) можно объяснить тем, что глагол *остаться* употреблен в качестве связки, в (14) присутствует обстоятельственный модификатор (*на ней*), препятствующий генитивной конструкции [3: 112-113].

Таким образом, на первых порах можно заключить, что в текстах XVIII века использование генитивной конструкции в контекстах внешнего отрицания практически не отличается от современного русского языка.

Негенитивные глаголы в текстах русского языка XVIII века

Как сказано выше, в современном русском языке внешнее отрицание расширяет круг предикатов (за пределы генитивных), в которых становится возможной генитивная конструкция. Однако в текстах XVIII века данное правило не работает, во всех проанализированных нами контекстах использована номинативная конструкция (даже при внешнем отрицании):

(7) ... Паки расцветши, свежестью новой
Чувства восхитят мои!
Всё превращает вид свой в природе;
Не исчезает ничто.

... [А.Х. Востоков. Осеннее утро: «Серы, волнисты, тучи дождливы...» (1800)];

(8) *Профессорские собрания бывают почти всегда весьма неполны, а нередко и **никто не присутствует*** [М.В. Ломоносов. 1761 декабря 10 – 24. Записка о служебных преступлениях и упущениях И.И. Тауберта (1761)];

(9) ***Никакая любовь не продолжается** без своих препятств, и наша имела свои тучи* [И.М. Долгоруков. Повесть о рождении моем, происхождении и всей моей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве, 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году моей жизни / Части 1-2 (1788-1822)];

(10) ... с бк, трк, рк **никакое российское речение не начинается** [М.В. Ломоносов. Российская грамматика (1755)].

Предварительное исследование родительного субъекта в текстах XVIII века показало, что при наличии внешнего отрицания в контексте бытийных глаголов генитивная конструкция почти всегда является обязательной (так же, как и в современном русском языке). Негенитивные глаголы зафиксированы только в номинативной конструкции. Внешнее отрицание при данных глаголах не играет никакой роли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Расширение лексикографической информации о свойствах лексемы // Отв.ред. Ю.Д. Апресян. Языковая картина мира и системная лексикография. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 43–47.
2. Падучева Е.В. Еще раз о генитиве субъекта при отрицании // Вопросы языкознания. 2005. № 5. С. 84–99.
3. Падучева Е.В. Родительный субъекта в отрицательном предложении: синтаксис или семантика? // Вопросы языкознания, 1997. № 2. С. 101–116.

Л.В. АЛЁШИНА (Орёл, Россия)

ОТРАЖЕНИЕ СИНТАГМАТИЧЕСКИХ И ПАРАДИГМАТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ ОККАЗИОНАЛЬНОГО СЛОВА В СЛОВАРЕ АВТОРСКИХ НОВООБРАЗОВАНИЙ*

Аннотация. Статья посвящена вопросу об отражении синтагматических и парадигматических связей окказионализмов в словаре авторских новообразований.

Summary. The article is dedicated to the issue of syntagmatic and paradigmatic relations between occasional words reflected in the dictionary of neologisms.

Каждая инновация становится частью лексической системы языка, входя в одну из тематических и лексико-семантических групп, вступая в